

Свидание с Детективом

ОЛЬГА БАСКОВА

ВСЕ
СВИДЕТЕЛИ
МЕРТВЫ

Свидание с детективом

Ольга Баскова

Все свидетели мертвы

«ЭКСМО»

2013

Баскова О.

Все свидетели мертвы / О. Баскова — «Эксмо»,
2013 — (Свидание с детективом)

ISBN 978-5-699-64506-0

Город в панике – по улицам разгуливает самый настоящий монстр. Множество прохожих видели странного мужчину с диким блеском в глазах, изображающего вампира из фильмов ужасов и пугающего мирных жителей. Известной журналистке Екатерине Зориной пришлось поверить в эти мистические сказки, когда на следующее утро после шумной вечеринки сына мэра Михаила Железнова нашли мертвым. Причем он был убит весьма оригинальным образом – из его тела выкачали почти всю кровь, а на шее полицейские заметили свежие следы от зубов. Через несколько дней погибла подруга Кати – Галя, ее обнаружили в заброшенном кладбищенском склепе, в руке оказалась зажатой записка с текстом проведения ритуала черной магии... Поблизости на этом же погосте видели того же самого «вампира», прогуливающегося среди надгробий...

ISBN 978-5-699-64506-0

© Баскова О., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	26
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Баскова

Все свидетели мертвы

Глава 1

В этот декабрьский денек природа решила преподнести городу Приреченск подарок. С вечера подморозило. Слякоть, так надоевшая за осень, уже не хлюпала, а приятно хрустела под ногами, а утром пошел долгожданный снег. Крупные хлопья, на радость детям, не таяли, едва коснувшись земли, а мягко ложились на землю и так там и замирали. К обеду земля покрылась белым полотном, и ребятишки выбежали с санками. Они облюбовали маленький холмик, с гиканьем и визгом скатывались с него на санках, играли в снежки и лепили снеговика. А снег все не прекращался. К вечеру намело приличные сугробы. Дети с удовольствием провозились бы во дворе и ночь, ведь такое счастье, как нетающий снег, выпадает нечасто, однако обеспокоенные родители уже звали их домой.

Шестилетний Валера с сожалением потащил свои санки к пятиэтажному дому. Он не спешил. В веселой игре мальчишки и девчонки забыли о том, что не ели с самого обеда, и мальчик только сейчас почувствовал голод. Однако идти домой все равно не хотелось, и Валера старался наступать в наметенные холмики, слушая, как снег скрипит под ногами.

Глядя вниз, он не заметил мужчину, стоявшего недалеко от его подъезда, и буквально столкнулся с ним. Валера хотел извиниться и что-то пролепетал. Незнакомец посмотрел на него сверкающими глазами, совершенно пустыми и ничего не выражавшими, протянул к ребенку руки, оскалился, как-то по-звериному зарычал и заскрежетал зубами. Мальчик истошно закричал и бросился бежать, оставив санки. В соседнем дворе он увидел соседа, возвращавшегося с работы. Он, вцепившись в рукав его пальто, сбивчиво поведал о странном человеке, на которого натолкнулся у подъезда. Сосед, как мог, успокоил мальчика и посмеялся про себя: дети такие выдумщики!

Он не поверил Валере. Рычащий мужчина – это уж слишком. Вероятно, ребенок заметил кого-то, может быть, пьяного, раскачивавшегося из стороны в сторону и издававшего нечленораздельные звуки, однако в сгущавшихся сумерках незнакомец показался ему настоящим монстром из фильма ужасов. Сосед был уверен: страшный человек существует только в воображении ребенка. И действительно, когда они подошли к подъезду, никто не маячил поблизости.

– Вот видишь, ты напрасно испугался, – ласково сказал он мальчику. Тот ничего не ответил. Мама учила его не спорить со взрослыми. Но в тот вечер страшный человек стоял у него перед глазами.

Клава Сапожникова поздно возвращалась из института, очень расстроенная. Она не сдала зачет, подготовка к которому заняла очень много времени и сил. Девушка злилась на себя. Преподавателя, прозванного студентами «Утконосом» за форму носа, винить было не в чем. Он ужасно не любил никаких пересдач и всегда делал все, чтобы его студенты сдавали с первого раза. Вот и сегодня Утконос, как мог, помогал Клаве, но у нее все выветрилось из головы и не осталось совсем ничего, словно она вчера не просидела целый вечер за учебником.

Клава вошла во двор их девятиэтажного дома и прислонилась к влажному стволу голого запорошенного снегом абрикоса. Домой идти не хотелось. Отец, возможно, поймет и посочувствует ей, однако мачеха, эта молодая стерва, всего на шесть лет старше ее, окрутившая папашу в надежде пожить его деньгами, только высмеет ее, как и всегда. Что ж, может, действительно не идти домой, во всяком случае, сейчас, а созвониться с Сашей и посидеть в какой-нибудь кафешке? Правда, за Сашку придется платить, потому что он вечно без копейки денег. Впрочем, оно и понятно. Откуда бабки у бедного студента? Не у всех же папашка директор фирмы, как у нее. Правда, с тех пор как ее мать умерла от рака, Клава не чувствовала радости от того, что у нее всегда был полный кошелек. Мачеха Ася ухитрялась постоянно портить настроение.

Сапожникова сунула руку в изящную сумочку и достала кошелек. Как назло, он оказался пустым, и девушка вспомнила, что утром одолжила деньги своей подруге. Оставалась одна мелочь, которой не хватило бы даже на оплату маршрутного такси. Итак, поход в кафе отменяется. Но, возможно, Саша просто погуляет с ней по улицам города, пока настроение не изменится в лучшую сторону. Девушка взяла мобильный, хотела набрать номер приятеля, но вдруг побледнела и отпрянула назад. Прямо на нее шел высокий мужчина в меховой шапке-ушанке. Его глаза горели, руки тянулись к Клавдии, зубы оголились в страшном оскале. Таких людей студентка видела только в фильмах ужасов. Закричав, она помчалась в сторону парка.

Глава 2

Катя Зорина, известная журналистка Приреченска и автор женских детективов, по привычке проснулась очень рано. Супруг еще спал, и она, стараясь не разбудить Костика, встала и подошла к кровати дочери Полины, годовалой розовощекой девчонки, как две капли воды похожей на своего светловолосого и голубоглазого отца. Полина тоже еще сладко спала, но журналистка знала: максимум через полчаса дочь загукает и потребует кушать. Катя давно начала прикармливать девочку молочными смесями, включила в рацион каши и ждала, когда Полина оставит грудь, но девочка явно не спешила.

– Будет меньше болеть, – говорила свекровь, с любовью глядя на внучку.

Они с Катиной мамой с удовольствием нянчили малышку, по очереди навещая молодых, не спускали с рук и целовали розовое тельце. Однако их ласки и любовь не шли ни в какое сравнение с любовью папы. Суровый, скупой на нежности Константин Скворцов, майор полиции, словно открылся близким людям с другой стороны. Дочь была его гордостью. Он взял на себя бессонные ночи. Когда не задерживался на работе, стирал пеленки и варил смеси. Лучший друг Кости, майор Павел Киселев, говорил Кате, смеясь:

– Наверное, это единственный в мире полицейский, который отсыпается на работе, когда мы не на выезде.

Журналистка, как могла, отговаривала супруга от ночных дежурств:

– Дорогой, давай ты посидишь с ней в выходные. А эту ночь возьму на себя я. Я ведь в декретном и могу спать днем, в отличие от тебя.

Скворцов недовольно ворчал:

– Я хочу принимать участие в воспитании моей дочери. И не перечь мне.

В конце концов Катя перестала с ним спорить. Она признавалась самой себе, что никогда не думала, каким подспорьем станет для нее муж. Многие ее подруги жаловались на своих мужчин: дескать, совсем не хотят помогать, отговариваются усталостью на работе. А Костик не только не отговаривался, но злился, когда о его трудной профессии упоминала она. Сейчас Скворцов тоже находился в отпуске, которого ждал давно, и самую трудную работу взял на себя. Он позволял Кате лишь готовить и кормить грудью, остальное все делал сам. Вот и сегодня ночью он успокаивал нывшую Полинку, пока девочка не заснула. Хоть бы дочь подольше его не беспокоила.

Катя достала молоко из холодильника, налила в кастрюлю и потянулась за манной кашей, когда зазвонил мобильный. Женщина потянулась за телефоном и с удивлением отметила: дисплей высветил номер главного редактора газеты «Вести Приреченска», в которой она работала в отделе криминальных новостей, Анатолия Сергеевича Пенкина.

– Здравствуйте, – сказала ему Зорина.

– Привет, Катюха, – отозвался тот сочным басом. – Не прошу прощения за ранний звонок, так как знаю: ты уже на ногах. Как дочурка?

– Все нормально, – ответила журналистка, – а как дела в редакции?

Пенкин вздохнул:

– Вот по этому поводу я и хочу тебя побеспокоить. Слушай, мне совсем не нравится твоя протее, эта Галина Смирнова. Когда ты просила меня взять ее временно на свое место, ты обещала: она будет работать не хуже тебя. И я тебе поверил, хотя мог пригласить своего человека. И, вынужден заметить, ты меня здорово подвела. Сколько ты уже в декретном?

– Больше года, – сказала Зорина.

– Точно, – согласился редактор. – И что же, девочка моя? Если ты еще читаешь свою газету, то не могла не заметить: ни одной приличной статьи в твоём разделе. Количество подписчиков упало, и я думаю, из-за твоего отсутствия. Многие горожане раньше признавались

мне, что покупали нашу газету только из-за криминальной хроники, которую вела ты. Теперь этого раздела практически нет. В общем, милая моя, я ее уволю. Пусть возвращается, откуда пришла. Газетенка, где она трудилась раньше, скоро прикажет долго жить, помани мое слово.

– Вы этого не сделаете, Анатолий Сергеевич, – заметила журналистка. Тот от возмущения чуть не подавился слюной:

– Я не сделаю? А вот погоди – увидишь.

– Галя Смирнова – единственная из моих однокурсниц и журналисток нашего города, достойная занять мое место, – бросила женщина. – Она очень талантлива. Вы сами знаете, я никогда бы не заменила себя абы кем. А вот почему она не радует нас своими статьями – это я выясню. Анатолий Сергеевич, – вдруг вопросительно протянула она. – Давайте заключим соглашение. Если Галя в скором времени не даст вам великолепный материал, вы, во-первых, увольняете ее, во-вторых, я выхожу из декрета. Идет?

– Не идет, – отозвался он. – Я не изверг какой-нибудь. Так что принимаю только первую часть твоего предложения, то есть, если через неделю не будет ничего достойного внимания, уволю твою Смирнову ко всем чертям.

– Ладно, – согласилась Катя, – а теперь извините, Анатолий Сергеевич. Мне пора готовить завтрак.

– Хорошо, хорошо, – засуетился редактор. – Как-нибудь забеги к нам, покажи свою красавицу.

– Обязательно, – пообещала она и, положив мобильный на стол, принялась за кашу. Когда все было готово, Зорина вышла в коридор и прислушалась. И муж, и Полина еще спали. Она решила позвонить Галине и узнать, в чем дело. Еще в университете Смирнова слыла любительницей журналистских расследований, преподаватели даже поручали ей кое-какую работу и публиковали ее статьи. Смирнова могла находить убийственно интересный материал и так преподносить его, что все восхищались и охали. Ей прочили место в самой большой и солидной газете города, «Вестях Приреченска», где работала Катя, однако в самый последний момент Галя отказалась и уехала из города в неизвестном направлении. Ее не было три года, при встрече с Катей ее мама только разводила руками и молчала о дочери, интригуя этим ее однокурсников, но вдруг в один прекрасный день на пороге Катиного кабинета возникла Галина, похудевшая и постаревшая, с впалыми щеками и небрежно заколотыми на затылке густыми черными волосами.

– Привет, – сухо поздоровалась она с Катей, словно предотвращая расспросы, – мне позарез нужна работа. Младший брат заканчивает школу и собирается в институт. На бюджет вряд ли пройдет. В общем, нам требуются деньги. Не найдется ли для меня местечко?

Зорина смотрела на нее во все глаза:

– Ты откуда свалилась, Галя?

Смирнова без приглашения опустилась на стул и проговорила:

– Дай мне чаю или лучше кофе. Остальное – потом.

Чай у Кати был всегда, и она налила кипятку в свою кружку с медвежонком, подаренную Костей, и бросила пакетик «Гринфилда».

– Печенье будешь?

Подруга кивнула и стала жадно хрустеть «Юбилейным», которое не доели Катины коллеги. Опустошив пачку, она вытерла губы салфеткой.

– Ты хочешь знать, что произошло со мной? На втором курсе я влюбилась в Юрку Пашкова, да так, что жить без него не могу. Видишь, не говорю о случившемся в прошедшем времени.

Зорина ойкнула, вспомнив самого красивого парня в университете, стройного, накачанного, с правильными чертами лица, очень умного и талантливого:

– Да ведь Юрка, кажется, всегда бегал за Маринкой Ярошенко и женился на ней.

– Так оно и случилось, – кивнула Галина. – Он никогда меня не замечал. После окончания университета он не остался в Приреченске и рванул в подмосковный Ногинск. Марина поехала с ним, разумеется. Ну, а следом отправилась я.

Зорина выпучила глаза:

– Ты? Ты хочешь сказать...

Смирнова опустила голову:

– Да. Только не кори меня, не нужно. Я была большой девочкой и отдавала себе отчет, что делаю. Я всегда считала, что Марина недостойна его. Она красивая вертихвостка – и не более того. Юре нужен был другой человек рядом.

– Такой, как ты? – без иронии поинтересовалась Катя. Галина сухо заметила:

– Зря смеешься. Именно так я и считаю до сих пор.

Зорина развела руками:

– И чем все закончилось? Ты устроилась в ту же газету, что и молодая семья?

Смирнова попыталась улыбнуться:

– Да, и думала, мне повезло. Марина забеременела, ушла в декрет. Я осталась в одном отделе с Юркой, – она отвела глаза, – и один раз рискнула признаться ему в своих чувствах.

Катя затаила дыхание:

– И что?

Галя отставила кружку:

– А ничего. Он деликатно от меня отделался: мол, семья, жена. Ребенок. Короче, когда я поняла: в его жизни нет мне места, то собрала вещички и уехала, – она вздохнула. – Мать мне не обрадовалась. Я неплохо получала в газете, мне постоянно давали возможность заработать. Конечно, я высылала матери и брату. Но я не могла там оставаться после этого разговора, – Смирнова выкрикнула эту фразу с каким-то отчаяньем. – Мне показалось, он стал избегать меня, хотя я к этому не возвращалась.

– Если тебе там нравилось, то ты могла бы еще поговорить с ним и объяснить: мол, это больше не повторится. Тогда имело смысл продолжить работу, – заметила Катя.

Смирнова пожала плечами:

– Возможно, но для меня пытка находиться рядом с ним и знать, что этот мужчина никогда не станет моим. Я сочла за лучшее уехать домой. Но я не перестану его любить, вот что самое печальное, – выкрикнула она. – Короче, не знаю, что делать. В общем, пока устроюсь на работу, а там погляжу. Семью-то надо кормить.

Катя с жалостью взглянула на нее:

– Ты еще на что-то рассчитываешь?

– Да, – призналась Смирнова. – Рассчитываю, что он оценит меня по достоинству.

Зорина села на стул и подперла подбородок рукой:

– У него жена и ребенок, Галя. Ты напрасно надеешься.

– Поживем – увидим, – прервала Смирнова. – Но давай о наших баранах. Ты можешь мне помочь с работой?

Катя задумалась:

– В нашей газете штаты укомплектованы. Попробую позвонить Варе Барченко. Она трудится в «Вечернем городе». Газетка не такая большая, как у нас, но благодаря спонсорам они неплохо получают. Ну, звонить?

Смирнова щелкнула пальцами:

– Давай.

Катя набрала телефон однокурсницы, и, на счастье Смирновой, в «Вечернем городе» оказалась вакансия. Прямо из кабинета Зориной Галина отправилась к Барченко и на следующий день вышла на работу. Через неделю она явилась к Кате с бутылкой шампанского и тортом:

– Я добро помню.

В тот день они уже не говорили о Юрке, Галя немного посидела и ушла, и с тех пор они не виделись, лишь иногда перезванивались на праздники. Когда Катя забеременела, Пенкин попросил ее найти кого-нибудь толкового на ее место, и Зорина вспомнила о Галине и связалась с ней. Та, выслушав приятельницу, с удовольствием согласилась. Место за ней сохранялось, тем более у нее на работе произошли не очень приятные изменения: главный редактор газеты взял еще одну сотрудницу в отдел Смирновой, дочь своих хороших знакомых, и поделил ставку пополам. Смирнову это не устраивало. Во-первых, ее зарплата сократилась, во-вторых, новенькая, вчерашняя студентка, ничего не умела и не хотела делать, и приходилось работать за двоих.

– Катя, я, конечно, с удовольствием заменю тебя, – заметила она. – Но обещай мне, что поговоришь со своим Пенкиным и он оставит меня в штате вашей газеты.

Зорина вздохнула:

– Поговорю, но положительный результат не гарантирую. Мой тебе совет: зарекомендуй себя с самой лучшей стороны. Тогда, возможно, он и сам тебе предложит остаться.

– Разумеется, я постараюсь, – заверила ее Галя. – Когда приступить?

– Забегай завтра. Я представлю тебя Анатолию Сергеевичу.

Вот так Смирнова и появилась в газете «Вести Приреченска». Уйдя в декретный отпуск, Катя забегала на работу, и ей всегда казалось: подруга прямо когти рвет. Вот почему сегодняшний звонок Пенкина стал для нее полной неожиданностью. Неужели талантливая Галя не выдала ни одной статьи? Что же это значит? Уж не мотается ли она в Ногинск к своему Юрке, который и знать ее не хочет? Если бы было по-другому, она бы позвонила и похвасталась. В грустных мыслях Катя сварила кашу дочери и заглянула в комнату к мужу и Полинке. Оба еще спали. Зорина закутала кастрюльку полотенцем, взяла мобильный и набрала номер Смирновой. Веселый Галин голос прозвенел колокольчиком:

– Привет, моя благодетельница. Извини, что пропала. Да и тебя лишний раз не хотела беспокоить.

– А лучше бы побеспокоила, – откликнулась Катя. – Думаю, с тобой нужно поговорить откровенно. Короче, мне только что звонил Пенкин. Он недоволен тобой.

– Понятное дело, – не удивилась Галя. – Анатолий Сергеевич привык, что ты выдавала ему материал, как лепешки.

Катю покорило такое сравнение:

– По-твоему, материал был плохой?

Смирнова поправилась:

– О, я не это хотела сказать. Понимаешь, у меня нет мужа-полицейского. Мне приходится трудиться вдвое больше твоего. Признаюсь, за год мне не попался интересный криминальный случай. Да, в нашем городе были и убийства, однако все они – сплошная бытовуха. Противно за перо браться.

– Так ты не дала ни одной статьи? – изумилась Катя. – Представляю, в какой ярости Пенкин. Да он меня сожрет, как я только появлюсь, за такую протезу. Да что с тобой случилось, Галя? Раньше ты могла сварганить материалчик из ничего.

– Надоела халтура, – откровенно сказала Смирнова. – А насчет твоего шефа... Ты не печалься. На днях я ему выдам такое, что он упадет в обморок. Думаешь, я все это время сижу сложа руки? Да я наткнулась на такое, что закачаешься. В нашем городе после моей статьи будет громкий процесс. Кстати, впервые позавидовала тебе как писательнице. На этом материале шикарный детектив можно отгрохать... Но я, как благодарная подруга, дарю его тебе. Только учти: я в доле.

Зорина расхохоталась:

– Ну и ну... Если это правда, я спасена от Пенкина. А о чем намечается статейка, если не секрет?

– В двух словах не расскажешь, – Галя сделала паузу, Катя устроилась поудобнее на табурете, собираясь слушать, но тут из комнаты раздалось знакомые возгласы. Полина проснулась и требовала есть. Костя пытался ее урезонить. Катя почувствовала, что надо вмешаться.

– Извини, подруга, расскажешь чуть попозже, – попросила она, – моя красавица подает голос. Скворцов прекрасный отец, но не могу же я свалить все на него. К тому же каша уже давно готова. Сейчас вот кефирчик и творожок подогрею и тебе перезвоню, если Полина не захочет, чтобы я ее кормила.

– Моя статья никуда не убежит, занимайся наследницей, – расхохоталась Галя. – А мой рассказ с каждым днем будет только интереснее. Сегодня, ну, в крайнем случае, завтра я еще кое-что проверю. Так что лучше перезвони денька через три.

– Хорошо, удачи, – Катя положила телефон и пошла навстречу супругу, который с дочерью на руках входил в кухню. – Доброе утро, дорогой. А где мое сокровище? – она поцеловала сначала розовую щечку дочери, а потом чмокнула Костю. – Мы хотим кушать? А мамочка уже все приготовила.

Полина впервые не потянулась к Катиной груди, и это ее порадовало. Маленький пальчик показал на кастрюльку с кашей:

– Ать, ать.

Это означало – давай есть, и Зорина быстро наполнила тарелку.

– Вот, дорогая. Твоя кашка. А еще есть творожок и кефир. Вкусные. Вкусные! Представляешь, – обратилась она к мужу, – мне звонил Пенкин и жаловался на Галю.

– Подругу, которую ты оставила работать за себя? – понял супруг.

– Вот именно. Дескать, в мое отсутствие она не написала ни одной интересной статьи.

Костя скривился:

– Недавно я общался с Павлом. Пока я в отпуске, все, на удивление, спокойно. Правда, Паша рассказал мне про то, что к ним зачастили люди, которые жаловались: после посещения ресторана они возвращались домой и засыпали, а утром находили вскрытые и обчищенные сейфы. Причем код знали только они. Что происходило в ресторане и после, никто не помнит. Вроде кто-то подсаживался к ним за столик.

Зорина улыбнулась:

– Интересно. Если бы Галя уже не работала над каким-то материалом, я бы посоветовала обратиться к Киселеву.

– Ну, приступаем к важному процессу, – Скворцов устроился на табуретке, примостив дочку на коленях, но запиликавший мобильный заставил его вздрогнуть:

– Только бы не вызвали на работу!

Зорина взяла Полину:

– Я сама ее покормлю. Посмотри, кто это.

– Придется, – нехотя бросил полицейский. Он направился в комнату, а журналистка принялась кормить ребенка, рассказывая ей старую сказку про гусей-лебедей. Девочка охотно ела под мамины или папины рассказы, и вскоре тарелки опустели. Малышка допивала кефир, когда вернулся Костя.

– Никогда не догадаешься, кто мне звонил, – заговорщицки шепнул он.

– Ты так говоришь, будто сам президент, – усмехнулась Катя и передала ему девочку. – А теперь побудь с папой. Мне нужно приготовить ему завтрак.

Костя поднял Полину и подмигнул жене:

– Президент – не президент, а не кто иной, как Мишка Железнов. Помнит все-таки об однокласснике, у которого когда-то списывал алгебру и геометрию.

Катя улыбнулась, вспомнив плотного черноволосого парня, чем-то напоминавшего голливудского актера Стивена Сигала. Он всегда ассоциировался у нее с обликом бандита девятых годов, и не случайно. С одной стороны, Железнов был сыном политика, мэра города

Приреченска в девяностых, Виктора Железнова. Но откуда взялся этот Виктор Железнов, в городе хорошо знали. В 1993–1994 годах, на волне «независимых» веяний, дальновидные криминальные авторитеты активно включались в общественно-политическую жизнь, чтобы обеспечить себе особо благоприятные условия в настоящем и возможность в будущем «контролировать ситуацию». Так возникали различные организации – союзы и партии. Среди многочисленных криминальных авторитетов в Приреченске особо выделялся один, Евгений Хамицев, по прозвищу Хам. Когда-то он окончил строительный техникум, однако карьера строителя его не прельстила. Хамицев с детства занимался боксом, преуспел на этом поприще, в девяностые годы собрал небольшую бригаду и обложил данью приреченских уличных торговцев и мелких цеховиков. Ему удалось подмять под себя несколько более мелких бригад. Власть распространилась на весь город. Вернее, почти распространилась. Оставался главный конкурент, довольно известный спортсмен и предприниматель Николай Еремин, никак не желавший признать подавляющую Женину крутизну. Следует заметить, у этого Еремина была могучая крыша. Нередко его видели в компании с самим Бакуладзе, другом Отари Квантришвили, собиравшемся организовать в Приреченске филиал союза.

На торжествах по поводу открытия филиала, проходивших в городском театре, Бакуладзе, которому, естественно, «доложили обстановку», недовольно заявил Хамицеву:

– Ой, парень, плохо себя ведешь. Смотри не заиграйся.

Чего стоило в то время замечание Бакуладзе, в криминальных кругах знали хорошо. Хам решил не лезть на рожон. Когда же пришла весть об убийстве Бакуладзе, он жестоко расправился с группой Еремина и укрепил власть в городе. Однако этого ему было мало.

Уже с самого начала своей деятельности Евгений, в отличие от своих более простых коллег, уделял большое внимание, так сказать, общественному содержанию своей работы. Это была не какая-то мелкая благотворительность. Хам построил реабилитационный плавательный бассейн для детей-инвалидов, организовал спортивную школу, где могли бесплатно заниматься городские подростки. Иерей Свято-Троицкого храма, его приятель и союзник, каждый день служил молебны за здоровье Евгения и любовался отреставрированными стенами старой церкви, до которой у других как-то не доходили руки. Надо признаться, Хамицев гордился этой дружбой. Вообще он предпочитал водить знакомства не с «шестерками», которые боготворили его и готовы были в огонь и в воду, а с представителями городской элиты. В его друзьях числились депутаты, высшие офицерские чины и чиновники правительства. Наверное, его планы на будущее простирались куда дальше административных границ города, автономии и даже государства. Не особенно интересуясь раньше политикой, Евгений смекнул, что для того, чтобы занять действительно достойное место в новом формирующемся обществе, одной бригады мало, нужно нечто большее, солидное, нужна партия. И создай он ее сейчас, в обстановке всеобщей грызни и бардака, он сможет одним махом добиться всего.

К созданию партии Хамицева подталкивали и его грамотные друзья – бизнесмены, банкиры, политики. Они видели в создании партии решение собственных проблем. Съезд новоиспеченной партии проходил в самой фешенебельной гостинице Приреченска.

Партия, по словам Евгения, призвана оказывать содействие Православной церкви, духовному просвещению и христианскому воспитанию людей. Его речам внимали молодые коротко стриженные парни, солидные бизнесмены, военные, священники. А в президиуме сидели люди повесомее. Те, кто, по словам самого Евгения, был способен за сутки скупить всю госсобственность города и окрестностей. Хамицев распространял информацию насчет вложений, которые члены партии были готовы сделать. В общем, стать строителями новой жизни.

Итак, партию создали. Одна мечта осуществилась. Теперь партии нужна была власть. Но власть не бандитская. И ее олицетворял мэр. Евгений немного подумал и наметил на это место Виктора Железнова, только что избранного председателя городского совета, честолюбивого и не очень-то разборчивого в средствах человека.

Их историческая встреча состоялась ранней весной. Хамицев не знал, что спецслужбы уже вплотную заинтересовались его деятельностью и их разговор с Железновым записывался на пленку, которая потом куда-то запропастилась.

Евгений в нескольких словах объяснил приятелю, что его партия – это сила, за ними огромные деньги, и предложил выдвинуть свою кандидатуру на пост мэра. Железнов сразу согласился. Хотя не мог не понимать, каких действий потребует от него Хамицев.

Вот таким образом отец Михаила Железнова и стал мэром. Когда Евгения убили в одной из криминальных разборок, ничего страшного с отцом Костиного одноклассника не произошло. Он тихо-мирно удалился от дел в трехэтажный особняк за городом и стал заниматься бизнесом. Откуда у него миллионы – как-то особо никого не беспокоило. Его сынок Михаил, окончив экономический факультет университета, пришел трудиться в папину фирму, а потом занял кресло генерального директора. Он никогда не боялся пускаться в рискованные авантюры. Денег у семьи было предостаточно, Железновы не боялись банкротства.

Михаила обожали женщины. Они падали к его ногам, конечно, думая не столько о его красивых черных глазах и фигуре культуриста, сколько о капитале. Однако Железнов не спешил связывать себя брачными узами и к своим тридцати двум годам не жил даже в гражданском браке. Он полюбил разнообразие и не общался ни с одной женщиной больше недели. Раз в год Железнов предпочитал устроить вечер встречи одноклассников, не всех, конечно, а только тех, с кем дружил в школе. К числу таких приятелей сына бывшего мэра относился и Скворцов. А Катя Зорина входила в число женщин, которых он уважал. Вот почему Железнов всегда приглашал Константина с супругой. И этот раз не стал исключением.

– Тебя, конечно, он тоже пригласил, как всегда, – сказал ей Костя.

Катя пожала плечами:

– Не знаю, дорогой. Скорее всего, ты отправишься без меня. На кого мы оставим Полинку?

Девочка серьезно посмотрела сначала на маму, а потом на отца. Скворцов почесал затылок.

– А ты права. Может, и мне не пойти?

Журналистка покачала головой:

– Нет, ты ступай. Ты и так никуда не ходишь в последнее время. Даже с Павлом на рыбалку не выбрался, хотя я тебя и выгоняла.

Супруг рассмеялся:

– Так бы и объяснила, что уже надоел. А то меня, понимаешь, совесть мучает, что моя женушка устает с этими пеленками, а я где-то разгуливаю, в то время как могу помочь ей. Но если ты считаешь...

– Иди, иди, – Катя взъерошила его волосы. – Однако не думай, что я это делаю бескорыстно. Возможно, в скором времени мне предстоит встреча с одной бывшей однокурсницей, которая расскажет об очень интересном деле. Я бы хотела встретиться с ней не в квартире. А в кафе. Улавливаешь, куда я клоню?

– Конечно, шантажистка, – расхохотался Скворцов. – Разумеется, я тебя отпущу и побуду с нашей доченькой. А теперь мы почитаем книжку, которую вчера папа купил моей малышке, – Константин поставил девочку на пол. – Ну-ка попробуй походить. Моя мама говорила, что я сделал первые шаги ровно в год.

– А моя – что я раскачалась только в год и четыре, – отозвалась Зорина. – По сравнению с тобой я припозднилась. Но я не пошла, как сказал мой папа, а побежала. Неизвестно, что лучше.

Константин с любовью посмотрел на жену:

– Лучше нашей доченьки быть не может.

Полинка твердо стояла на ножках, держась за папину руку и боясь отпустить ее.

– Первые шаги нашей малышки не за горами, – заявил Скворцов и потянул дочь в комнату. – Идем, нас ждет сказка про Винни-Пуха.

Малышка послушалась отца и неуверенно двинулась в комнату. Катя окликнула мужа:

– А как же завтрак?

– Когда посажу ее в манежик, – пояснил супруг.

Зорина бросилась к тостеру и положила в него хлеб, потом нажала кнопку электрического чайника и быстро нарезала сыр и копченую колбасу. Когда тосты подрумянились, она снова позвала Константина завтракать. На этот раз он не отказался:

– Мы почитали немного про мишку, а теперь она играет в манеже, – он потянул носом и улыбнулся: – Какой запах! Слушай. А почему у меня не получаются такие румяные тосты? Наверное, не хватает терпения, чтобы обучиться такому простому делу.

– Скорее, времени. Кофе? – поинтересовалась журналистка. Скворцов не был поклонником одного напитка и чередовал кофе и чай.

– Сегодня, пожалуй, выпью кофейку с молочком, – он уселся за стол и намазал тост маслом. – Кстати, сегодня моя очередь идти в молочную кухню. Так что скоро оденем нашу дочурку, и я возьму ее с собой.

– Хорошо, – ответила Катя с набитым ртом. – А я приготовлю на обед твои любимые голубцы.

Скворцов улыбнулся и кивнул. Это блюдо он любил с детства. Бабушка Кости, а потом и мама всегда баловали его голубцами, и Катя старалась не нарушить семейную традицию. В их семье, наоборот, не очень жаловали это блюдо, и ей пришлось перенимать опыт у свекрови. Впрочем, она оказалась талантливой ученицей. Однажды на семейном обеде Скворцов во всеуслышание заявил:

– Мамочка, ты можешь на меня обидеться, но Катюша делает голубцы вкуснее.

Свекровь развела руками и обняла невестку:

– Я очень этому рада, сынуля. По крайней мере, не будешь бегать ко мне. Да и я отдохну от готовки. Мне хватит твоего папы. У него всегда отменный аппетит.

Подумав об этом забавном случае, Костя хотел напомнить о нем Кате, но тут в дверь позвонили, и он сорвался с места. Зорина проводила его удивленным взглядом. Кто еще решил их навестить? На сегодня они гостей не ждали. Женщина услышала, как Скворцов открыл дверь, и сразу поняла, кто пожаловал. Костина мама, Тамара Михайловна Скворцова, учитель математики на пенсии, обладала зычным голосом.

– Где мои любимые детки? – пробасила она. – А где любимая девочка? Я кое-что принесла моей малышке.

Услышав голос одной из бабушек, Полина отозвалась радостным возгласом. Катя отставила чашку и бросилась в прихожую. Супруг помогал матери снять тяжелую шубу. Увидев невестку, женщина поспешила ее обнять.

– Катюша, только прости, если я не вовремя. Понимаешь, мой с утра на рыбалку отправился. Говорит: поймаю свежей рыбки. Ты же уже прикармливаешь Полину мясом? Почему бы ей не попробовать рыбы? В общем, я его отпустила. Иногда он, правда, возвращается без всякого улова, зато пьяный, как сапожник, но зато я сегодня встала в восемь утра и не готовила ему эту противную овсянку, а, как Маргарет Тэтчер, просто попила кофейку с кусочком белого хлеба, – она поправила прическу, и без того идеальную, и громко рассмеялась: – Если он и на этот раз вернется без рыбы, я не виновата.

Полина отозвалась на смех бабушки раскатистым хохотом. Тамара Михайловна заспешила в спальню с большим пакетом:

– Где моя очаровашка? Смотри, что принесла тебе бабушка, – она вытащила уже третью по счету Барби, и Костя скривился.

– Мама, ну зачем ей столько?

– Разве она не играет в куклы? – осведомилась свекровь. Костя покорно ответил:

– Играет, конечно, но...

– Никаких но, – заявила Тамара Михайловна и дернула мощными плечами. – К этой кукле в магазине продавался целый набор одежды. Кроме того, я купила комнатку для Барби. Представляете, скоро в продажу поступит кухня со всеми причиндалами. Вот везет современным детям, – говоря, она размахивала куклой из стороны в сторону, и Полина не выдержала и громко заявила:

– Дай!

Это привело бабушку в полный восторг. Она запрыгала вокруг манежика и закудаhtала:

– Конечно, моя родная. Это все для тебя. Вся моя жизнь для тебя.

Девочка почти вырвала Барби из рук бабушки и пристроила ее к двум другим.

– У куколок появилась новая подружка, – заметила Тамара Михайловна. Полина помаhала всем ручкой и принялась что-то рассказывать на своем языке новой знакомой.

– Хотите еще чашечку кофейку? – предложила Катя. – Под словом еще я подразумеваю...

– Я знаю, что ты подразумеваешь. Мол, дома я уже одну прикончила, – свекровь кивнула, направилась в кухню. – А я уже жалею, что не поела кашу. Не такая уж она и противная. Просто лень одолела. Можно, я съем этот аппетитный тостик? – она покосилась на тарелку с тостами.

– Ну, разумеется, – Зорина снова включила чайник. – Присаживайтесь к столу и берите все, что душе угодно. Вы для нас всегда самый желанный гость.

– Как и вы для меня, – Тамара Михайловна откусила кусочек и задумалась. – Я и не предполагала, что буду так скучать по внучке. Я хотела вас попросить. Может быть, вы позволите Полине провести выходные у нас с бабушкой? Или вы нам не доверяете? А зря, – произнесла она учительским тоном. – Все же двух детей мы вырастили, и они не жалуются.

Катя задумалась, соображая, как бы деликатнее отказать. Слов нет, она доверяла свекрови. За Полиной в выходные будет отменный уход. Но прожить хотя бы час без дочери... Нет, она и подумать об этом не могла. На помощь пришел Костя.

– Мама, а тебе известно, что мы с Катей ходим за питанием в молочную кухню? – спросил он. – Полине выписали молоко, кефир и творожок, и они гораздо лучше, чем на рынке. И не надо со мной спорить.

– А я и не спорю, – ответила Тамара Михайловна. – Мне странно, почему ты считаешь, что я не смогу сходить за питанием?

– Потому что это кухня не твоего района, а нашего, – пояснил Скворцов. – И тебе нужно будет встать чуть ли не в шесть часов, чтобы к восьми поспеть сюда. Видишь ли, сейчас мало заботятся, чтобы питания хватило всем. Если опоздать, можно остаться без творога или кефира.

– Почему это я должна опаздывать? – возмутилась Катина свекровь. – Я, между прочим, мой мальчик, всю жизнь в школе от звонка до звонка проработала. Иногда наша завуч ставила нулевые уроки и строго их контролировала. И вам известно, когда они начинались? В половине седьмого. Представляете, во сколько я поднималась, чтобы успеть наложить макияж? Никогда в жизни я не позволяла себе приходить на работу без макияжа.

Это было хорошо известно и Кате, и Косте. Тамара Михайловна всегда следила за собой. Даже на пляж она приходила с подкрашенными ресницами и напудренным лицом.

Скворцов беспомощно взглянул на жену, словно не зная, какой аргумент выдвинуть. Этим воспользовалась его мама:

– Значит, договорились. Привозите ко мне Полину на выходные.

– В субботу меня пригласил Мишка Железнов, – сказал Константин. – Тебе обязательно брать Полину к себе. Можешь прийти и помочь Кате по хозяйству.

Тамара Михайловна вскинула нарисованные брови:

– Помочь Кате? Это еще что такое? Разве вы идете не вместе? Вы же всегда ходили вместе.

– Полина теперь не дает нам такой возможности, – пояснил Скворцов.

– Она не дает, а мы с отцом дадим, – вставила Тамара Михайловна. – Катюша, ты должна пойти с мужем. Я своего отпускаю с приятелями только на рыбалку. Ну, конечно, иногда они собирались мужской компанией, но это бывало крайне редко. Так что я настаиваю, чтобы ты отправилась с ним. Не хотите отдавать ее нам – не нужно. Но мы с отцом приедем сюда и приглядим за нашей внучкой, – она обиженно поджала губы. – Кажется, мы имеем на это полное право.

– Но... – попыталась урезонить ее Катя.

– Или вы слушаетесь меня, или я последний раз у вас в гостях, – отрезала Тамара Михайловна.

Зорина развела руками:

– Ну, что касается меня, я буду вам очень благодарна. Теперь дело за Костиком.

– А по-моему, мать действительно неплохо придумала, – кивнул Скворцов.

Глава 3

Катя и Костя подъехали на такси к ресторану «Вагон-ресторан», самому модному в городе. У входа уже припарковалось с десятка два машин различных марок – от «Лады Калины» до последней модели «Мерседеса». Железнов в белом костюме, с бабочкой, с зачесанными назад черными волосами больше, чем когда-либо, походил на голливудскую звезду. Возле него крутилась Таня Шарапова, директор магазина одежды, демонстрируя всем кольцо с огромным бриллиантом. Ходили слухи, что одно время женщина пыталась окрутить Михаила, но добилась лишь короткого флирта. С горя Татьяна выскочила замуж за первого, кто сделал ей предложение, и довольно удачно. Муж-предприниматель сделал ее директором одного из своих магазинов, и Шарапова купалась в деньгах, однако не могла забыть первую любовь, и изредка их с Железновым видели обедающими в «Калипсо», кафе, принадлежавшем отцу Михаила. Увидев идущих Костю и Катю, Железнов бесцеремонно отстранил бывшую возлюбленную и направился к ним:

– Приветствую вас, мои дорогие. – Он расплылся в улыбке и обнял сначала Катю, а потом Костю. – Честно говоря, очень беспокоился, что кто-то из вас не явится. Все же маленький ребенок.

– Для этого существуют няни, – Шарапова вклинилась между ними. – Скворцов, а ты хорошеешь с каждым годом. Вот что значит жениться на такой женщине, как Катерина.

Зорина скривилась. Она не переваривала Татьяну.

– А я, выходит, не хорошею...

Шарапова запнулась:

– Я не то хотела сказать. Впрочем, думаю, ты поняла.

Железнов бросил на нее злой взгляд:

– Лучше помолчи, сойдешь за умную. А вы, друзья, пройдите в зал. Почти все уже собрались.

– Слушаюсь, – Костя взял Катю за руку и повел в ресторан. Зорина услышала, как Шарапова вкрадчиво произнесла:

– Моего балбеса сегодня не будет. Может...

Железнов не дал ей договорить:

– Очень жаль... иногда ты бываешь очень надоедливой, Танюша.

Супруги вошли в зал. Со всех сторон к ним подходили Костины одноклассники.

– Привет, Костян. А женушка твоя все хорошеет.

Женщины дотрагивались до Кати и шептались:

– Мы внимательно следим за вашим творчеством. Когда же будет новая книжка?

Журналистка что-то отвечала невпопад и не переставала любоваться рестораном. «Вагон-ресторан» завораживал с порога, очаровывал своим стильным, выверенным до мелочей, антуражем. Здесь все было продумано до мельчайших деталей, подогнано в рамки единой, завораживающей красотой своей реализации концепции. Ресторан состоял из множества укромных небольших залов и уголков, в каждом из которых посетителя ждала неповторимая обстановка, способствующая виртуальному погружению в среду его исторического местонахождения. В Вестерн-вагоне клиенты погружались в атмосферу дикого американского Запада времен его освоения, в Английском вагоне их приветствовала обстановка аутентичного вагона времен расцвета Британской империи. Отец Михаила Железнова, создавая этот ресторан, поставил себе задачу: норма для «Вагона-ресторана» – приятно удивлять и впечатлять. На «Перроне» можно было подождать прибывающий поезд у барной стойки, с движущимся конвейером и паровозом, который вырывался прямо из стены, миниатюрной железной дорогой под стеклянным столом, необычными часами, побаловать себя кулинарными вкусами или

сесть в «чемоданном отделении» с пивными стоп-кранами, которые сами пассажиры могли иногда «срывать» и наливать себе пиво. Появление сына хозяина встретили аплодисментами.

– Дорогие гости! – провозгласил Михаил. – Мой поезд к вашим услугам. Предлагаю сделать сегодняшний вечер романтическим и облюбовать вагон «Мэрилин Монро».

Никто не возражал. Вагон «Мэрилин Монро» – нежный и женственный, с пушистыми стенами, розовыми сердцами, гитарой на зеркальном потолке, бусинками и стразами – смотрелся довольно романтично. Гости расселись за столиками. Катя и Костя оказались в компании с мрачным Валерием Аверьяновым, врачом-хирургом, закадычным приятелем Железнова. Вообще Валерий, как помнил его Костя, всегда слыл компанейским и веселым парнем, однако сегодня он явно был не в духе и, наверное, поэтому едва кивнул Косте, Катю же почти не удостоил внимания. Перед Аверьяновым стояла бутылка водки, опустошенная наполовину, и, судя по его решительному выражению лица, он не намерен был останавливаться. Юркие официанты сновали между столами, как уточки, ставя все новые и новые закуски. Железнов вышел на середину зала с бокалом шампанского в руке.

– Дорогие мои одноклассники, – воскликнул он. – Я всех вас люблю, и любовь моя не слабеет с годами. Вот почему каждый год я хочу вас всех видеть в своем ресторане. Вы знаете, я не мастер произносить тосты, но постараюсь сделать это для вас. Да нет, не то чтобы не умею говорить, – он махнул рукой и улыбнулся. – Согласитесь, это волнительно. Волнительно приходить на встречу с прошлым. Я никого не хочу обидеть и поэтому волнуюсь. Вдруг кого-то не узнаю и этим обижу? Вдруг у меня от чувств закружится голова и стеснит дыхание? Все же десять лет прошло после окончания школы. Эта встреча у нас юбилейная.

Сидевший рядом с Катей Аверьянов зашевелился и оторвался от стакана.

– Все врет, – прошептал он. – Для семьи Железновых люди всегда были мусором, пылью. Ему наплевать, как мы и что с нами.

– Зачем же тогда эти приглашения? – удивилась Катя.

– А чтобы мы посмотрели и позавидовали ему, – пояснил Валерий. – Спроси у Костяна, Железнов всегда любил, чтобы ему завидовали. Он был самым богатым мальчиком в классе. Таких сейчас называют мажорами. И он всегда хвастался своим богатством. А ведь среди нас учились ребята, родители которых в те годы еле сводили концы с концами. Ты не представляешь, как он над ними издевался. За пять рублей они таскали его портфель, делали домашнее задание. Тьфу, противно вспомнить!

– Хотя чего волноваться! – вещал в это время Михаил. – Не беда, что нам уже за тридцать. Душой мы остались все теми же семнадцатилетними. У нас много общего, нам есть о чем поговорить. Мы интересны друг другу. Почти у всех есть дети. Я отстал от вас в этом плане, но обещаю: в ближайшее время все компенсирую.

При этих словах рука Валерия, державшая стакан, задрожала.

– У нас с вами много разных достижений, о которых тоже интересно узнать, – продолжал Железнов. – Давайте поднимем бокалы за нашу встречу и в сегодняшний вечер в моем личном поезде отдохнем не только телом, но и душой. Заказывайте, что этой душе угодно. Все оплачено фирмой.

– Даже тут он нас унижает, – сообщил Аверьянов. – Ему известно, что никто из находящихся здесь не устроит такую грандиозную вечеринку. Только все знают: деньги-то бандитские, и потому их не жалко.

– Зачем же ты пришел, если так ко всему относишься? – вмешался Скворцов, слышавший громкий шепот Аверьянова. – Лишний раз терпеть эти унижения?

– А я скоро свалю, – пообещал Валерий. – Только возьму свою долю вечеринки.

– Своеобразный подход к вопросу, – констатировал Костя.

– Да. Тебе не понять, – буркнул Аверьянов.

Гости тем временем уже наполняли бокалы для второго тоста, и в центре внимания оказалась Татьяна Шарапова. Сверкая бриллиантами на пальцах и в ушах, она вышла на середину зала, но толком сказать ничего не смогла и в результате просто предложила выпить.

– А эта его прихлебала, – снова подал голос Аверьянов. – Он ее, как тряпку, выкинул, а она снова лезет. Вот вам пример для пословицы: «Плюй в глаза – божья роса». Не пойму я этих баб. Ну, нашла ты себе хорошего мужика и держись за него. Тьфу на нее тоже.

После этого высказывания он погрузился в мрачное оцепенение и больше не произнес ни слова. После Татьяны выступали еще желающие, но недолго. Когда послышались звуки популярной песни, все вскочили и бросились танцевать. Шарапова повисла на шее у Железнова и что-то нашептывала ему на ухо. Михаил кривился и твердо отстранял ее от себя, когда женщина слишком уж прижималась к его широкой груди. Катя, танцевавшая с Костиком, искала глазами Аверьянова, но не нашла его. После первого танца все снова уселись за столики.

– Выйду на улицу и позвоню твоей маме, – сказала Катя супругу и взяла сумочку с телефоном. – Через пару секунд вернусь.

Скворцов кивнул, и женщина направилась к выходу. В холле, опершись на гипсовую колонну, она достала мобильный и уже собралась набирать номер, как вдруг до нее донесся рассерженный голос Аверьянова:

– Я ненавижу тебя и всю твою показушную любовь к одноклассникам, – Валерий просто шипел от злости. – Мне противно на все это смотреть.

– Тогда зачем приперся? – спокойно ответил Железнов. – Конкретно тебя я не приглашал. Мы давно с тобой не корешуем.

– Я пришел, потому что ты не отвечаешь на мои звонки, – сказал Аверьянов. – И потому я прошу тебя здесь: оставь Аллу в покое. Ты же все равно не женишься на ней. Тебе нравится отбивать женщин у своих друзей и чувствовать себя Господом Богом. Именно поэтому ты увел у меня Марину и Дашу. От той и от другой ты потом благополучно избавился, когда они тебе надоели. С Аллой я не позволю так поступить. Она мне очень дорога.

– Если ты знаешь, как я поступлю, то должен быть спокоен, – усмехнулся Железнов. – Да, я хочу немного пофлиртовать с Аллой, а после расстаться. Ты прав: женитьба сейчас не входит в мои планы. Вернее, пока я не вижу ни одной женщины, достойной быть рядом со мной. Лишь одна Алла Пугачева смогла бы по-настоящему заинтересовать меня. Но она уже замужем за Галкиным. Так что твоя Алла очень скоро приползет к тебе. Бери и женись на ней, плодитесь и размножайтесь. Я больше не встану у тебя на пути.

– Ты как феодал, со своим правом первой брачной ночи, – процедил Аверьянов.

– А ты достигни того, чего достигла моя семья, и поступай, как тебе угодно, – посоветовал Железнов. – Притом хочу обратить твое внимание на один очень значительный факт, Валерочка. Я уводил женщин у своих приятелей, но я никогда не делал это силой. И тут ты не можешь не согласиться со мной. Стоило мне проявить внимание – и они сами бросались в мои объятия. Скажешь, не так? Кстати, твоей бывшей Марине я даже намекнул, что мне неудобно перед тобой. Хочешь узнать, что она сказала?

– Догадываюсь, – Валерий сжал кулаки.

– Вот и Аллочка, – Михаил осклабился. – Я лишь поманил ее пальцем, она и переметнулась к более успешному мужчине.

– Ты уже спал с ней? – на Валерия было жалко смотреть. Он ничего и никого вокруг не замечал, и Катя была рада этому. Она прислушивалась к каждому слову и боялась драки. Если что, нужно срочно звать на помощь. В кафе полно охранников Железнова, но они сразу встанут на сторону хозяина и еще, чего доброго, измочалят бедного Валерия.

– Ты с ней спал? – повторил Аверьянов. Железнов немного подумал и ответил:

– Еще не успел, если это тебя утешит. Но собираюсь сделать в ближайшее время.

– Сволочь! – Валерий кинулся на него, но Михаил перехватил его руки. Он и не думал звать своих нукеров. Железнов сам мог положить кого угодно.

– Остуди свой пыл в другом месте, а здесь приличное заведение, – Михаил подтолкнул его к выходу. – Пошел вон отсюда.

– Я уйду, но знай, – прохрипел Валерий, – я убью тебя, если ты к ней притронешься. Клянусь тебе.

– Притронусь, убивай, – спокойно заметил Михаил. – Только не медли. А то, не дай бог, уведу у тебя еще кого-нибудь. Ты ведь тюфяк и неудачник. Пошел вон, я сказал, мне противна твоя слюнявая рожа.

– Уйду, но... – Аверьянов брызгал слюной.

– Знаю, – прервал его Железнов. – Ты убьешь меня из-за угла. Иди готовься, приятель.

Он развернулся и уверенно зашагал к гостям. Валерий снял с вешалки куртку и с силой распахнул входную дверь, бросив на прощанье в спину Михаила:

– Ты еще напьешься своей крови.

Два коротко стриженных охранника, давно прислушивавшихся к диалогу хозяина и его гостя, дернули плечами. Однако больше Аверьянов никому не доставил беспокойства. Зорина покачала головой. Ей стало безумно жалко Валерия. Она позвонила свекрови, убедилась, что у них все в порядке, и вернулась в зал. Гости и хозяин снова танцевали под медленную музыку. Костя сидел за столиком с одним из одноклассников, имя которого Катя забыла, и о чем-то разговаривал. Увидев супругу, он встревоженно посмотрел на нее:

– Что случилось? Почему так долго?

– Потом все объясню, – отмахнулась журналистка. – А сейчас я хочу покушать.

– Домой, что ли, бегала? – осведомился его одноклассник.

– Да, – невпопад ответила Катя. Тот понимающе наклонил голову:

– Когда мы с женой выбирались куда-нибудь и оставляли нашего сына с бабушками или с няней, то тоже постоянно волновались. У вас дочка с кем осталась?

– С моей мамой, – подал голос Костя. Мужчина похлопал его по плечу:

– Ну тогда будет все о'кей.

За медленным танцем последовал быстрый. Скворцов наклонился к уху супруги:

– Пока ты где-то гуляла, я уже успел сказать речь. Вообще все, кто хотел, высказались. Теперь будут только танцы и еда.

Одноклассник огляделся по сторонам:

– Я, кажется, сижу на месте Валерки Аверьянова. Где он, кстати?

– Он ушел, – сказала Зорина, жуя лист салата. – Это с ним я говорила в холле так долго.

– А с чего ему уходить? – поинтересовался мужчина.

– Вот этого он мне не объяснил, – скрыла Зорина правду. – А я особо и не допытывалась. Значит, какие-то дела.

На ее счастье, этот ответ удовлетворил и супруга, и его одноклассника.

– Можно, мы с женой пересядем к вам? – спросил мужчина. – За нашим столиком сидит эта мерзкая Танька Шарапова и откровенно всех клеит. Михаил, кажется, сказал ей что-то неприятное. Все знают: она надоела ему еще в школе. А Татьяна, кажется, собирается доказать ему, что среди всех женщин она самая лучшая. Вот и вешается на мужиков. Жена предложила мне уйти, но я хочу пообщаться с теми, кого год не видел.

– Конечно, переходите, – согласился Костя. – Моя супруга не возражает, правда?

– Разумеется, – отозвалась журналистка.

– Вот и отлично, – обрадовался собеседник и встал. – Пойду приглашу жену. Шарапова, наверное, ее совсем забодала.

– Я забыла, как его зовут, – повернулась Катя к супругу.

– Сашка Латышев, – сказал Скворцов. – Но ты посмотри, что вытворяет Шарапова.

Татьяна, совсем пьяная, лавировала между столиками. Отыскав Железнова, танцевавшего с элегантной блондинкой, она плеснула шампанским ему в лицо:

– Сволочь!

– Охрана, – заорал Михаил, стряхивая вино со своего пиджака. – Уберите эту ненормальную!

Шарапова расхохоталась:

– Да, зови своих горилл. Ребята, этот негодяй стал моим первым мужиком еще в школе, обещал жениться. Вы бы видели, как он меня добивался! Так, что не устоял бы даже и слон. А потом он поразвлекался со мной и бросил. Впрочем, думаете, только со мной? Здесь, наверное, нет ни одной бабы из нашего класса, которую он не оприходовал.

В толпе послышался возглас недовольства. Железнов озирался по сторонам. Его охранники схватили Татьяну под руки.

– Пустите меня, я уйду и сама, – продолжала верещать женщина. – Только на прощание кое-что скажу тебе, Мишенька. Все до одного ходят на твои идиотские вечеринки и все до одного тебя ненавидят. Когда-нибудь кто-нибудь из моих дорогих одноклассников всадит тебе пулю в лобешник, а я обязательно приду на твои похороны, чтобы сплясать на крышке твоего гроба. Адьес. Ребята. Пейте сами шампанское Железнова, только учтите: перед вечером он плюнул в бокалы и в кастрюли с едой, он сам хвастался мне когда-то этим трюком. Вот так он вас уважает, людишки. Продолжайте лизать его задницу, а я пойду. Здесь слишком воняет.

– С твоим уходом вони станет гораздо меньше, – бросил ей вслед Железнов. – Вот, приглашай таких сучек. Вечно все испортят. Наполняем бокалы, друзья.

Катя огляделась и заметила, что в этот раз бокалы наполнялись как-то неохотно. Наверное, кое-кто воспринял всерьез слова Шараповой о плевках в бокалы. Константин посмотрел на жену и рассмеялся.

– Поверила нашей Таньке? Ей бы, как тебе, книжки писать, фантастические.

– Не скажи, – заметил Саша Латышев. – Сам знаешь, от Мишки можно всего ожидать. Лучше мы с Галей пойдем восვояси. Что-то у меня пропал аппетит.

Кое-кто из одноклассников стал собираться домой, и это не осталось незамеченным. Изрядно выпивший Михаил ходил по залу и уговаривал всех остаться и повеселиться.

– Вы все, получается, идете на поводу у этой истерички, – говорил он. – Впереди еще много интересного.

Зорина тоже встала и шепнула мужу:

– У нас с тобой в отличие от многих есть веская причина, чтобы отлучиться. Дочка, поди, нас заждалась.

– Ты считаешь... – Скворцов бросил взгляд на отбивную в обрамлении румяной картошки, которую он хотел доест, но неожиданно после аппетита почувствовал прилив тошноты. Проклятая Танька Шарапова!

– Пожалуй, ты права, – повернулся он к Зориной. – Пойдем попрощаемся с хозяином.

Они пробились к Железнову, размахивавшему бутылкой.

– Миша, – начал Костя. – Вот нам с Катей действительно пора. Мы беспокоимся о дочери.

Железнов протянул руку, словно собираясь их удержать, но потом передумал:

– А, идите. В сущности, я никого не держу. Меня удивляет только одно: как солидные взрослые люди могли поверить этой шалаве! И чего надо вам, бабам! – обратился он к Кате. – Мало ли, что произошло у нее со мной! Это дела давно минувших дней. Сейчас Шарапова имеет обеспеченного мужа и собственные магазины. У нее есть шикарные шмотки и дорогие цапки. Нет, для полного счастья ей нужно, чтобы я упал к ее ногам. И после этого вы утверждаете, что она нормальная?

– Не знаю, – ушла от ответа журналистка.

– Впрочем, вас я понимаю, – он кивнул Скворцову и повернулся к Латышевым: – А вы тоже поверили этому пьяному бреду? У вас уже довольно большое дитя.

– Но все же не такое большое, чтобы сидеть одному дома поздно вечером, – фальшиво улыбнулся Латышев. – Одиннадцать лет – беспокойный возраст. Еще квартиру спалит.

– Черт с вами, ни перед кем не буду унижаться, – решил Железнов и пожал руки мужчинам. – Сразу договоримся встретиться через год на этом же месте. Согласны?

Латышевы испуганно кивнули. Костя улыбнулся:

– А разве есть еще варианты?

– Возможно, будут, – Михаил вдруг залился каким-то неприятным смехом, и Кате стало не по себе. – Я обещаю больше не плевать в еду и бокалы.

Зориной показалось, что она задыхается. На улице журналистка с удовольствием глотнула воздуха. Костя заметил ее состояние и сжал жене руку:

– Вызовем такси?

– Конечно, – ответила Зорина. – А вы своим ходом? – обратилась она к Латышевым.

– Угадали, – ответила супруга Саши. – Мы недалеко живем. А все же этот Железнов – неприятный тип, – сказала она. – И я не удивлюсь, если Татьяна говорила правду.

– От него можно было ожидать всего, как и от его папаши, – вставил Латышев. – Друг моего отца, предприниматель, захотел купить автомобиль. Ему понравился один «БМВ». В общем, сделка с хозяином машины состоялась, а через неделю автомобиль угнали. Друг отца обратился к Железнову-старшему. Тот сделал вид, что что-то знает, но при второй встрече посоветовал «БМВ» не искать и забыть о нем. Дядя Игнат только потом понял, зачем ему дали такой совет. Этот «БМВ» был одним из автомобилей Железнова-мэра, которому в тот момент потребовалась некоторая сумма денег. Он реализовал несколько авто из собственного гаража, а потом его «шестерки» их угнали и, наверное, продали еще кому-то, вероятно, даже не в нашем городе. Тот еще бандюга. По законам жанра, его давно должны были пристрелить, как и его дружков.

– Давайте сменим тему, – перебила его супруга. Катя поняла: женщина боялась. Несмотря на то что лихие девяностые канули в Лету, отголоски прошлого иногда давали о себе знать.

– А вон и свободная машина, – Зорина взмахнула рукой, и старая белая «Ауди» остановилась перед ней. – До свидания, очень приятно было познакомиться.

– И нам тоже, – ответили Латышевы. Александр попрощался с Костей. Муж забрался на заднее сиденье и обнял Катю.

– Слушай, а я ведь тоже поверил Таньке, – хмыкнул он. – Вот чертова девка. В принципе, Мишка прав. Их любовь давно завяла. Чего она добивалась на этом вечере?

– Вы, мужчины, сами любите повторять: нам никогда не понять этих женщин, – пояснила Зорина.

– Это верно.

Водитель быстро ехал по свободной дороге, и до дома они домчались за десять минут. Подходя к подъезду, супруги посмотрели на окна своей квартиры. В комнате Полины свет не горел. Возможно, дочурка уже спала. Впрочем, могло быть и по-другому. Тамара Михайловна не любила укладывать детей и читать им на ночь книжки. Она всегда дожидалась того момента, когда у ее отпрысков начинали слипаться глаза, и вела их в ванную, а потом укладывала в постель. Вероятно, Полина сидела с бабушкой на диване в гостиной и либо смотрела телевизор, либо играла в куклы. Катя и Костя быстро поднялись по лестнице и позвонили в квартиру.

– Сейчас-сейчас, – послышался знакомый зычный голос, и Тамара Михайловна возникла на пороге, приложив палец к губам. – Вы, между прочим, могли бы открыть дверь своим ключом или позвонить мне на мобильный. Девочка давно спит.

– Спит? – удивилась Катя. Свекровь надула губы:

– Ты думаешь, я не в состоянии ублажать Полиночку?

– Нет, нет, – замахала руками журналистка. – Я вовсе ничего такого не сказала. Она ведь никогда не ложилась без нас.

– Значит, теперь будет, – парировала женщина. – Я опять вынуждена напомнить, что не чужой вам человек.

Зорина сняла шубу и сапоги и на цыпочках прошла в комнату дочери. Полина действительно крепко спала и сопела во сне. Тамара Михайловна встала за ее спиной и тихо шепнула:

– Какая прелесть! Ну что, справилась бабушка? Теперь будете мне ее доверять?

– Конечно, – с чувством ответила Зорина. – Выпьете чаю?

Свекровь покачала головой:

– Да я этого чаю сегодня напилась на несколько лет вперед. Нет, дорогая, пойду домой. Мой уже звонил, с рыбалки вернулся. Вроде что-то даже и словил. Надо посмотреть, – она вышла в прихожую и начала одеваться. Костя прислонился к дверному косяку. Он почувствовал себя уставшим. Одевшись, Тамара Михайловна подошла к сыну и потрепала его по щеке:

– Самое главное я для вас сделала – уложила девочку. А теперь и вам пора в постель. Молодые родители должны выспаться, – она подмигнула Кате и скрылась за дверью.

Зорина сладко потянулась:

– А теперь в душ – и спать. Тамара Михайловна права.

– Непременно, – подхватил Костя. – Я и представить не могу, что я в законном отпуске и что завтра утром, а то и среди ночи меня не разбудит кто-нибудь из своих. Впрочем, даже если разбудит, я никуда не поеду.

– Во-первых, не зарекайся, во-вторых, не накаркай, – поддела его супруга.

Скворцов и подумать не мог, что его жена, как всегда, смотрела как в воду.

Глава 4

Звонок серенады Шуберта разлился по комнате и заставил Костю подскочить с кровати. Судя по мелодии, звонил его друг и коллега майор Павел Киселев, и от этого тело Кости прошибла дрожь. Он знал: Киселев не стал бы беспокоить его по мелочам. Неужели произошло что-то из ряда вон выходящее? Стараясь не разбудить Катю и дочку, он схватил телефон и вышел в коридор.

– Слушаю тебя.

– Извини, что беспокою, – раздался виноватый голос Киселева. – В нашем отделе труп. Судя по всему, твоего одноклассника. Мы с Заболотным обнаружили у него на полке фотографию выпускного класса. Есть там и твой снимок. Ты мало изменился.

– Иди ты со своими шутками, – процедил Сковорцов. – Лучше говори – кто?

– Михаил Железнов, – Павел словно ударил его обухом по голове.

Костя опешил:

– Железнов? Значит, Шарапова все-таки его достала...

– Шарапова? – переспросил Павел. – Это что – теннисистка? Нет, ты ошибаешься.

– Мне не до шуток, – у Кости перехватило дыхание. – Кто его обнаружил?

– Соседка. Уже перевалило за полночь, а в квартире Железнова на полную мощность орал телевизор. Женщина решила зайти к нему и обнаружила дверь открытой. Попробовала позвать его через щель, но, как говорится, ни ответа ни привета. Тогда соседка прошла в гостиную... Ну, а там бездыханное тело.

– Дальше, – поторопил Сковорцов. – Как его убили?

Киселев хмыкнул:

– Тут такой странный способ убийства. Мы с таким еще не сталкивались... Но долго рассказывать... Хочешь – приезжай. Я вышлю за тобой машину.

– Приеду на своей, – сообщил Сковорцов.

– Учти, – остановил его друг. – Тебя никто не гонит.

– Я приеду, – повторил приятель и отключился. Закончив разговор, он застонал и ударил кулаком по матрасу. Зорина, которая давно уже не спала и прислушивалась к беседе с Павлом, поняла: случилось что-то ужасное.

– Кто? Неужели Михаил? Или ты назвал его имя и фамилию в связи с чем-то другим?

– Нет, к сожалению, – процедил Костя. – Михаил убит, Катюша. И я должен поехать на место происшествия.

Женщина вскинула брови:

– Железнова убили? Думаешь, Шарапова?

– Павел не знает Шарапову и тем не менее сомневается, – пояснил Константин, надевая брюки. – Они с Заболотным считают, что это какой-то необычный способ убийства. Короче, я должен поехать, дорогая.

– Да, конечно, – Катя встала с постели и пошла на кухню. – Я сделаю тебе бутерброды. Ведь после осмотра ты наверняка отправишься в отдел, чтобы поговорить с Павлом насчет убийства. Хоть чаю попьем.

Сковорцов хотел отказаться, но передумал:

– Ладно, готовь свои бутерброды.

На кухонном столе журналистка обнаружила целую тарелку с тостами. Она быстро порезала сыр и копченую колбасу и уложила все в пластиковый пакет. Супруг уже стоял в коридоре и натягивал куртку с меховым воротником.

– Не гони, – предупредила его Катя. – На улице мороз.

– Хорошо, родная, – муж взял пакет и чмокнул ее в щеку.

– И обязательно позвони.

– Да, дорогая.

Она открыла дверь, и Скворцов растворился в холодной темноте подъезда. Проводив мужа, Катя вернулась в комнату и села на постель. Поинка крепко спала. А Зорина уже не могла заснуть.

Глава 5

Павел не спросил Костю, знает ли он, где жил Михаил, потому что был уверен: если бы Скворцов не был в курсе, он бы обязательно поинтересовался насчет адреса. Однако Константин не раз бывал в трехкомнатной квартире в центре Приреченска, просторной, светлой, с прекрасным ремонтом, подаренной Железнову отцом. Он быстро отыскал четырехэтажный особнячок сталинской постройки и подрулил к подъезду, у которого уже стояли «Скорая помощь» и полицейская машина. Коллега, старший лейтенант Петя Прохоров, рыжий и веснушчатый, однако очень симпатичный и толковый паренек, пошел ему навстречу:

- Мне очень жаль, что это ваш одноклассник...
- Как он умер? – Они торопливо поднимались по ступенькам на второй этаж.
- Не поверите. Вампирский укус.

Скворцов остановился на лестничной площадке:

- Что? Какой укус?
- Вампирский. Да вы сами увидите.

Скворцов прибавил шаг и уже через минуту входил в знакомую квартиру. Павел ждал его в коридоре. Друзья пожали друг другу руки. Эксперт Станислав Михайлович Заболотный, маленький, пожилой, но очень опытный врач, кивнул Константину из гостиной:

- Привет! Извини, что подняли с постели.
- Где он? – дрожащим голосом спросил Костя.
- Здесь, – отозвался эксперт.

Скворцов зажмурился и с силой заставил себя открыть глаза и посмотреть на труп.

– Сегодня мы с Катей гуляли в его ресторане на вечеринке, – пояснил он. – Наверное, трудно найти человека из всех наших одноклассников, который был бы так уверен в себе, как Мишка. Если бы кто-то сказал, что он умрет сегодня, то Железнов воспринял бы это как хорошую шутку.

– Так ты видел его сегодня? – изумился Павел. Константин не ответил. Он не мог оторвать взгляд от лежащего на полу Михаила. По-видимому, тот уже успел переодеться в домашний махровый халат с полосками. Костюм стального цвета, в котором он шеголял в кафе, висел на вешалке в распахнутом шкафу. Возле трупа не было лужи крови, и Константин обратился к Павлу:

– Может быть, ты мне пояснишь, как умер мой одноклассник? Петька бормотал что-то про вампирский укус.

Павел кивнул:

– И он тебя не обманул. Иди сюда. Мы с Заболотным пришли к выводу: место преступления выглядит странно. Сейчас сам поймешь.

Он немного закатал воротник халата, и Скворцов увидел на шее Михаила следы укуса – две дырочки, сделанные явно зубами вампира или огромного животного.

– Ты, наверное, заметил, что следов крови нигде не видно, – продолжал Павел. – А все потому, что кто-то выкачал из него всю кровь и отрезал прядь волос, – он повернул голову убитого. – Еще одна загадка.

Константин вздрогнул. Возле уха в черных густых волосах кто-то выстриг небольшой участок.

- Зачем? – ни к кому не обращаясь, поинтересовался он.
- Мы с Михалычем тоже хотели бы это знать.
- Что еще? – быстро спросил Скворцов.

– Сейф вскрыт, но не взломан. Либо хозяин сам сделал это под угрозами, либо преступник каким-то образом узнал код. Были ли там деньги и какая сумма пропала – пока неизвестно. Возможно, об этом расскажут его родители, если он с ними делился.

Константин вздохнул:

– Когда его убили?

– Подробнее Михалыч расскажет после вскрытия. Примерное время смерти – около часа ночи.

Скворцов бросил взгляд на стенные часы, судя по всему – антиквариат. Отец убитого обожал подобные вещишки. Стрелки показывали полпятого утра, и Костя подумал: это событие так взволновало его, что после звонка Павла он не обратил внимания на время.

– Я могу позвонить кому-нибудь из одноклассников, бывших на вечеринке, и спросить, когда все закончилось и Михаил отправился домой, – предложил он.

– Отлично, так и сделаешь, – похвалил Киселев. – Послушай, а ты, что ли, был не до конца?

– Не до конца, – признался друг. – Мы с Катей оставили Полинку на попечение бабушки, поэтому сидели как на иголках. Ты же знаешь нашего ребенка. Она признает только маму и папу.

– Все они такие до лет трех, – со знанием дела подхватил Павел. – Моя Кристина тоже первое время нас с Настенкой от себя не отпускала. Но потом все наладилось.

Из кухни выглянул судмедэксперт:

– Ребята, на столе я обнаружил белый порошок. Внешне похоже на наркотик.

Киселев встрепнулся:

– На язык пробовал?

– На язык – вкус какой-то кальцинированный, как у мела, – ответил Заболотный. – Однако не мешало бы проверить в лаборатории. Разновидности этих наркотиков так меняются, что мы за всем не успеваем. А в общем, я все осмотрел. Разрешите грузить труп?

Майор хотел кивнуть, но тут в комнату вбежал взъерошенный Петя. Он задыхался:

– Там родители нашего Железнова...

Павел и Костя переглянулись:

– Не хотел бы я встретиться один на один с его папашей, – пробормотал Киселев. В коридоре послышались тяжелые шаги и всхлипывания, и на пороге показалась массивная фигура Железнова-старшего в строгом черном костюме. На его мясистом лице были написаны удивление и гнев, граничивший с недоверием. Сзади семенила его худенькая жена.

– Это правда? Мой сын мертв? – поинтересовался бывший мэр, ни с кем не здороваясь. Павел развел руками:

– К сожалению...

Его супруга увидела труп сына и зашла в крике. Она хотела броситься на тело, но муж удержал ее.

– Уносите Мишу, если вы сделали свою работу, – скомандовал он. Женщина забилась у него на груди, и Виктор взмахнул рукой:

– Давайте быстрее. У нее больное сердце.

Михалыч подозвал санитаров с носилками, и они быстро погрузили тело и вынесли из квартиры. Бывший мэр поглаживал жену по спине. Она вся тряслась.

– Мой сын... Мишенька...

– Ксюша, мы должны собраться, чтобы помочь полиции. Прошу тебя, перестань плакать. По горячим следам легче найти убийцу. У вас есть подозреваемые? – он допрашивал майора, как судья. – Вы понимаете, что должны найти убийцу моего сына в кратчайшие сроки. Я со своей стороны окажу всяческое содействие. Если нужно позвонить вашему министру, я это сделаю.

– Пока нам неизвестен круг общения вашего сына, – начал Павел, но Виктор Железнов, заметивший Скворцова, перебил его:

– Вы, кажется, Константин?

Костя опустил голову:

– Сегодня мы с вашим сыном вместе были на вечеринке. И я обещаю, что найду его убийцу.

– На первый взгляд ограбление, – доложил Киселев, не зная, правильно ли он поступает и нужно ли сейчас вообще что-либо говорить. – Сейф вашего сына открыт, но не взломан. Однако денег там не оказалось.

Мать Михаила металась по комнате:

– У Миши в сейфе были пятьдесят тысяч долларов! – истерически выкрикнула она. – Он собирался покупать дачу. Это мне хорошо известно, – женщина посмотрела на полку шкафа. – А здесь всегда лежал дорожный цифровой аппарат, который я подарила ему на день рождения. Его тоже нет.

Бывший мэр бросил взгляд на жену:

– Что ты еще знаешь?

Она оскалила зубы:

– Я знаю, кто убил моего сына. И вам не придется долго его искать, если он не сбежал.

Павел и Константин уставились на нее:

– Кто же?

– Его бывший дружок, а ныне заклятый враг Валерий Аверьянов. Вы, Константин, должны его знать.

– Аверьянов? – Скворцов вздрогнул всем телом. – Но почему вы так думаете?

Женщина сжала кулаки:

– Он завидовал моему сыну и давно уже угрожал ему. Мне это доподлинно известно. Вы должны немедленно взять его. Слышите?

Полицейские стояли и не шевелились. Бывшая первая леди города топнула изящно обутой ногой:

– Я приказываю вам взять его немедленно. А если вы этого не сделаете, я сообщу самому высокому начальству, и вас уволят к чертовой матери. Ну, звоните же...

– Делайте, как она говорит, – вставил Железнов. Павел повернулся к Константину: – У тебя есть его мобильный?

Костя кивнул:

– Да.

– Тогда звони. Если твой одноклассник не виноват, все выяснится, и мы его отпустим. Ну, а если...

Каждая клеточка тела Скворцова противилась звонку. И если бы не Железнов-старший, стоявший каменным изваянием и требующий немедленных действий, он бы не стал беспокоить одноклассника. Константин нехотя нашел в телефонном списке номер Аверьянова и набрал его. Мать Михаила перестала всхлипывать и пристально следила за действиями полицейского. Валерий долго не отзывался, и Скворцов решил, что сегодня они до него не дозвонятся, но, наверное, с последним гудком, после которого дисплей возвестил бы: «Ответа нет», – раздался заспанный голос:

– Ты сдурел, что ли, Скворцов? Что тебе нужно на ночь глядя?

– Уже утро, – ответил Костя. – Но это не все, Валера. Сейчас к тебе приедет полиция.

Аверьянов, как показалось Скворцову, сразу проснулся:

– Полиция? А какого черта ей делать у меня дома?

– Убит Железнов, Валера.

В трубке послышалось недовольное сопение:

– Убит? А при чем тут я? Неужели кто-то все же прикончил этого гада? И разве я один числился в списке его врагов?

Константин покосился на мать Михаила. На его счастье, она ничего не слышала, хотя и прислушивалась к разговору.

– Нашлись люди, которые тебя обвиняют, – пояснил майор. – Если ты ни в чем не виноват, то спокойно отметишь от себя подозрения.

– Кончайте разговор, – вмешался Виктор Железнов. – Мы немедленно выезжаем к этому негодяю. Я уже не сомневаюсь, что он убил нашего сына.

– Мы едем, – бросил Костя в трубку и отключился.

– У вас есть служебная машина? – спросил бывший мэр. – Я приехал на джипе и могу довезти вас до квартиры Аверьянова.

Он вроде бы предлагал свою помощь, однако каждое его слово звучало как-то униЗИтельно. Константин и Павел порадовались, что у них есть возможность добраться до Аверьянова самим.

– Нет, спасибо, – вежливо отказались они. Железнов пробуравил глазами Скворцова:

– Вы ведь знаете, где он живет?

– Да, – подтвердил майор.

– Тогда вы поедете впереди меня. Покажете мне дорогу.

Скворцов вдруг подбоченился:

– В квартиру вы не зайдете, Виктор Семенович, – решительно сказал он.

Чиновник на пенсии удивился:

– Не зайду? А это еще почему? Ты мне помешаешь?

Скворцов покачал головой:

– Таков порядок. Вы не имеете на это права. Между прочим, уголовная статья.

Железнов хотел возразить, но лишь сплюнул на дорогой ковер:

– Как знаете.

– Сейчас вы поедете домой и будете ждать вестей, – продолжал Константин. – Поверьте, мы вас не обманем. Если убийца Аверьянов, никто не даст ему ускользнуть.

Виктор посмотрел на жену. Она опустила голову:

– Пусть все сделают сами, Витя. Прошу тебя, давай поедem домой.

– Ладно, – сдался Железнов. – Но учтите: я требую, чтобы вы наказали убийцу. И дайте, пожалуйста, свой номер телефона. Я желаю все время находиться с вами на связи. Кроме того, вдруг мы что-нибудь узнаем.

Костя открыл портмоне и вытащил картонный квадратик:

– Держите. Здесь мои домашний и мобильный.

Бывший мэр небрежно сунул визитку в карман и вяло пожал Косте руку:

– Помните, что я вам сказал.

– Мы его накажем, даю слово, – Скворцов проводил чету Железновых из квартиры сына и повернулся к Киселеву:

– Ну что, Паша, поехали к моему однокласснику?

– Поехали, – ответил Павел.

Глава 6

Валерий Аверьянов жил в собственном доме, оставленном ему в наследство бабушкой, на улице Лабораторной, почти на окраине города. Здесь, как и на многих городских задворках, еще господствовал частный сектор. Вообще это место считалось очень красивым. Шоссе, разделившее два склона горы, в далекие годы предложил проложить один из губернаторов Приреченска, генерал Пластунов, и его фамилией стали называть балку и склоны горы. Название «Лабораторное» прижилось позже. Старожилы говорили, что в пещерах, которые прорезали склоны, когда-то помещались лаборатории, а вот кто и чем в них занимался – поросло забвением. Низовье балки, спору нет, в любое время года выглядело красиво: серпантин уходяла вверх лента шоссе. Слева и справа, под нависающими склонами, выстроились ряды маленьких чистеньких домиков под большими пирамидальными тополями. Катя, Костя и чета Киселевых любили подниматься на правый склон балки, и оттуда открывался фантастический пейзаж. Крутой обрыв высотой около тридцати метров сверху донизу был усеян лепящимися друг к другу домиками, стенами, оградами, деревьями, виноградниками. Не верилось, что на такую кручу можно взобраться, не говоря уже о том, чтобы там жить. И тем не менее там жили.

На машине на эту улицу к дому Валерия никто бы не смог подъехать, поэтому полицейские припарковались на площади Пластунова, затем по лестнице, длинной и узкой, и, наконец, по тропе со ступенями, то ли вырубленными рукой человека, то ли вымытыми во время ливней, поднялись наверх. Поскольку они бывали здесь и раньше, то прекрасно знали: сейчас они попадут в целое хитросплетение безымянных переулков, в большинстве своем ступенчатых, причем ступени были каменными, или бетонными, или грубо вытесанными в скале. Из стен смотрели наружу двери со старинными массивными ручками или щеколдами таких типов, какие в других местах, пожалуй, уже не встретишь. Дворы у домов были сплошь крохотные, их перегораживали подпорные стены с лестницами, увитыми виноградом. Каждый двор кончается еще одной подпорной стеной высотой метров до пяти. Киселев уже начал выбиваться из сил, удивляясь способности приятеля ориентироваться в таком пространстве, как вдруг Костя остановился возле одного из домишек, как две капли воды похожего на своих братьев, и сказал:

– Это Валеркин.

– Ты не ошибся? – выдохнул Павел. – Не хочется еще раз повторять весь путь.

– Не ошибся. В позапрошлом году он начал строить второй этаж. Да, видно, строительство продвигается медленно, – Сковорцов указал на наполовину разобранный чердак. – Паша, прошу тебя, прежде чем предпринимать решительные действия, давай его послушаем. Я знаком с этим парнем с первого класса и голову даю на отсечение: это случайное стечение обстоятельств. Он не убивал.

– Ладно, – согласился Павел. Сковорцов взялся за щеколду:

– Валера, это мы.

Аверьянов ждал их во дворе и тотчас открыл калитку:

– Заходите. Вы одни?

– Нет, с нами еще старший лейтенант.

Петино сопение приближалось. Валерий жестом пригласил всех в дом.

– Что, эту тварь действительно убили? – спросил он и вытер глаза. – Костян, ты не разыгрываешь меня?

– Разве я нашел подходящее время для розыгрыша? – парировал Сковорцов. – Нет, Валера, твоего бывшего приятеля действительно кто-то убил, и его мать утверждает: это сделал ты. У тебя есть алиби?

Аверьянов наморщил лоб:

– Когда его кокнули?

– Предположительно с часу до трех часов ночи. Где ты находился?

Врач нервно усмехнулся:

– А где еще мне находиться? Конечно, здесь.

– Кто-нибудь может это подтвердить? – с надеждой поинтересовался Киселев. Аверьянов смахнул капли пота со лба:

– Нет, разумеется. Я живу один.

Константин положил руку ему на плечо:

– Это плохо, Валера. Скажи, почему ты ушел раньше всех с вечеринки?

Аверьянов сплюнул:

– Да потому что мне было противно созерцать его мерзкую рожу. Ты не представляешь, сколько я сделал ему добра в этой жизни, и за это добро он отплатил злом. Впрочем, больше я тебе ничего не скажу. Кажется, это не моя обязанность – оправдываться. Доказывай мою вину, приятель. Если сможешь.

Скворцов хотел что-то ответить, но ему помешал это сделать звонок мобильного.

– Железнов, – проговорил он и ответил: – Слушаю вас, Виктор Семенович.

– Вы уже на месте? – поинтересовался бывший мэр. – Так вот спешу вас информировать. Убийство совершил Аверьянов. Охранники моего сына дали показания. Они слышали, как этот негодяй ругался с Мишей в холле, обвиняя его во всех смертных грехах, и даже собирався затеять драку. Но мой Миша всегда был спортивным мальчиком. Он не позволил до себя дотронуться. Скажите этому подонку, что есть свидетели. Отпираться ему бесполезно. Я жду положительных результатов вашего расследования.

Скворцов кинул телефон в карман и устало обратился к Валерию:

– Звонил его папаша. Скажи честно, у вас действительно состоялся неприятный разговор в холле?

Аверьянов заскрипел зубами:

– Значит, охранники меня сдали...

– А ты рассчитывал на другое? – удивился Костя. – Впрочем, не трати время. Рассказывай, как все было.

– Мы с ним поцапались, – нехотя проговорил Аверьянов. – Да, чего мы стоим? Давайте зайдем в дом. Только извините, у меня неубрано. Этот проклятый ремонт никогда не закончится.

Полицейские прошли за хозяином в бедно обставленную гостиную и присели на деревянные стулья.

– Чаю не предлагаю, – заметил врач.

– А мы и не просим. Рассказывай.

Валерий вздохнул:

– Было время, когда Мишка казался мне самым лучшим парнем на свете. Мы вместе бегали на речку, вместе ездили в лес, вместе слушали музыку. Но в один прекрасный день Железнов изменился. Ты, возможно, этого не заметил, – обратился он к Скворцову. – Вы не были близкими друзьями.

– В чем это проявилось? – поинтересовался Павел.

– Его папа взлетел на небывалую для города высоту, – пояснил Валера. – И хотя каждый знал, как это ему удалось, Михаил почувствовал себя равным Богу. С ним стало невозможно общаться. Сначала он хвастался своими богатствами, а потом начинал унижать друзей. И мы разбежались. Ты заметил, наверное, что в последнем классе мы мало контактировали?

Скворцов кивнул.

– В студенческие годы мы не общались, – продолжал Валерий, – но после окончания вузов вдруг неожиданно встретились в кафе. Я тогда и не знал, что это его собственная забега-

ловка. Михаил обрадовался, накормил и напоил меня за свой счет, взял все телефоны и вскоре позвонил с предложением встретиться. Я тогда и не думал, зачем ему понадобился.

– Зачем? – спросил Павел. Аверьянов жалко улыбнулся.

– Давайте все же что-нибудь выпьем, – предложил он. – Так разговор пойдет лучше.

– Мы на работе не пьем, – сказал Константин. – Но если нальешь чаю, не откажемся.

Аверьянов прошел на кухню и вернулся с двумя чашками и заварным чайником.

– Мне нечего предложить к чаю, – виновато признался он.

– Обойдемся, – отмахнулся Павел.

Электрический чайник закипел быстро, и Валерий разлил чай по чашкам, а себе плеснул немного водки.

– Думаю, Михаил мне всегда завидовал, – продолжил он. – Я всегда был лучше в учебе и больше нравился девочкам. Наверное, он сам себе решил доказать, что лучше меня. Короче, он стал таскаться за мной повсюду. Я без задней мысли знакомил его со своими девушками, а Железнов делал все, чтобы они перебежали к нему. И, естественно, добивался успеха. С такими деньгами, как у его папаша, он вне конкуренции.

– Зачем ты брал его с собой? – удивился Скворцов. Валерий покачал головой:

– Потому что я не знал, как от него скрыться. Он находил меня повсюду. Наверное, следил за мной. И снова уводил моих девушек. Михаил вошел во вкус, почувствовав себя феодалом, имеющим право на первую брачную ночь. Я злился и горевал, теряя своих подружек, но не очень сильно. Однако недавно я познакомился с потрясающей девушкой Аллой. Поверьте, я сделал все, чтобы Железнов ее не увидел. Но он каким-то образом напал на наш след и попытался увести и ее. Я встретил их вместе возле кафе и потребовал во время вечеринки, на которой был и ты, от него объяснения. Он честно признался: Алла нужна ему на несколько дней. А после он готов вернуть ее мне. Я чуть не набил ему морду. Охранники не обманули. Они действительно видели, как мы грыземся.

– И у тебя нет алиби, – заметил Константин.

– Нет, – подтвердил Аверьянов. – Но я его не убивал.

– Если за тебя возьмется Железнов-старший, ты не оправдаешься, – вздохнул Скворцов. – По моему мнению, ты вполне мог его убить. Женщина – веская причина.

– Признаться, руки у меня чесались, – ответил Валерий, – однако я вспомнил слова Мишки. Знаешь, что он говорил мне там, в кафе? При чем тут он, если девушки сами выбрали его, а не меня? И, придя домой, я решил: в этих словах есть рациональное зерно. Действительно, зачем мне такие бабы, если они при первой возможности убегали к более богатому? Выходит, если бы вместо Мишки оказался бы другой, где гарантия, что они тоже не сделали бы этого? Я успокоился и лег спать. Вот и все мое алиби, ребята.

Киселев щелкнул пальцами:

– Не пойдет. Придумай что-нибудь получше. Где живут твои родители?

– На проспекте Летчиков, – ответил Аверьянов.

– Сейчас мы отвезем тебя к ним, и пусть они подтвердят, что ты остался у них ночевать, – скомандовал Константин. – Я тебе верю. Судя по всему, поверили и мои товарищи. Но Железнова мы не убедим.

– Я понял, – Валерий встал и вышел в комнату. – Я сейчас соберу вещи.

Павел допил чай, и в это время раздался стук в калитку.

– Боже, только не это, – прошептал Киселев. Испуганный Аверьянов вбежал на кухню:

– Мы не будем открывать, – прошептал он. – Пусть думают, что меня нет дома.

– Идиот, возле лестницы наша машина, – прохрипел Константин. – Сядь и не шевелись, я сам открою.

Он вышел в сад и захрустел по снежку. За калиткой слышались голоса, и Скворцов узнал голос Виктора Железнова. Второй тоже показался ему знакомым, но он не поверил своим

ушам. Распахнув калитку, полицейский столкнулся нос к носу с бывшим мэром, экспертом Станиславом Михайловичем и начальником отдела полковником Кравченко. Щеки полковника были пунцовыми от гнева, глаза сверкали.

– Только не говори, что ты нас не слышал, – Кравченко отставил его и шагнул на участок. – Где Аверьянов?

– В доме, – покорно ответил Скворцов.

– Вы произвели обыск? Что же вы обнаружили?

Константин замялся. Железнов пыхтел сзади:

– Я вам говорил. Они дружки по школе. Мы успели вовремя. Они наверняка хотели дать этому негодяю возможность скрыться.

– Да помолчите вы, – Алексей Степанович прошел в дом. Киселев, увидев его, вытянулся в струнку. – Где Аверьянов?

Павел кивнул в сторону кухни. Полковник и бывший мэр направились туда.

– Они и не думали его обыскивать, – Виктор Железнов торжественно поднял бутылку водки. – Видите. Они вместе выпивали. Если бы не моя бдительность... я так и подумал: если ваши подчиненные не ставят меня в известность о ходе расследования, значит, дают возможность преступнику уйти.

– Вы произвели обыск? – поинтересовался Кравченко.

– Мы только приехали, – солгал Константин. – Я давно здесь не был и не сразу нашел его дом.

– А мы почему-то нашли сразу, – загремел начальник и повернулся к Пете: – Начинайте. Станислав Михайлович, пригласите понятых. Думаю, здесь найдутся подходящие для этого соседи.

– В доме слева, – подсказал Аверьянов. – Только вы зря потревожите пожилых людей. Я ни в чем не виноват. Вы ничего здесь не найдете.

– Посмотрим, – Алексей Степанович повернулся к Железнову: – А вас я попрошу выйти и подождать в машине. Теперь операцией руковожу я. Вы верите, что я не упущу ни малейшей зацепки?

Железнов хотел возразить, но вдруг согласился:

– Хорошо. Я должен позвонить жене. Она совсем одна. Завтра прилетает дочь из Лондона.

– Вот и займитесь женой, – Кравченко повернулся к пожилой заспанной паре, входившей в комнату: – Уважаемые граждане, мы просим вас быть понятыми. Покажите ваши документы. Нам нужно удостовериться, что вы не состоите с подозреваемым в родстве.

Пожилая женщина с растрепанными, выкрашенными хной волосами, отчего они приняли апельсиновый цвет, растерянно посмотрела на Валерию:

– Это он подозреваемый?

– Да, – коротко ответил полковник.

– Но, простите, мы имеем право знать, в чем его подозревают, – вмешался совершенно лысый ее супруг в спортивном мешковатом костюме.

– Убийство, – процедил Алексей Степанович. Супруги переглянулись:

– Этого не может быть. Здесь какая-то ошибка. Вы должны разобраться, товарищ полицейский.

– Я повторяю, он пока еще только подозреваемый, – повысил голос Кравченко.

– Тогда ознакомьте меня с моими обязанностями, – заявил мужчина. – Я требую, чтобы все было по закону.

– А это пожалуйста, – полковник повернулся к Киселеву: – Павел, введи человека в курс дела.

Майор подошел к пожилой чете и заговорил:

– Права и обязанности понятых установлены сороковой статьей Федерального закона «Об исполнительном производстве». Понятой обязан удостоверить своей подписью в акте соответствующего исполнительного действия факт, содержание и результаты исполнительных действий, при совершении которых он присутствовал. Понятой вправе знать, для совершения каких исполнительных действий он приглашается, на основании какого исполнительного документа они совершаются, а также делать замечания по поводу совершенных действий. Понятые имеют право на компенсацию расходов, понесенных ими в связи с исполнением обязанностей понятых. Указанные расходы относятся к расходам по совершению исполнительных действий. Понятой должен присутствовать при совершении исполнительного действия с самого начала.

Мужчина кивнул:

– Учтите, я очень въедливый.

– Если вам все понятно, мои люди приступят к процедуре обыска, – заявил полковник и зло взглянул на подчиненных: – Неужели нельзя было обойтись без меня? Вы в курсе, что этот тип поднял на ноги генерала среди ночи? Тот чуть не навалил мне. Что за идиотизм, ребята? Я вам не мальчик и не лейтенант, чтобы бегать с вами по квартирам подозреваемых.

– Железнов хочет обвинить этого парня в убийстве своего сына, – пояснил Скворцов.

– А это не так? – сощурился полковник.

– Не так, – заявил Константин. – Я готов за него поручиться.

Полковник хотел что-то ответить, но тут появился Петя Прохоров:

– Товарищ полковник, кажется, что-то есть.

Алексей Степанович поманил Скворцова и Киселева:

– Идемте со мной.

Они прошли в маленькую комнатку с грязными обоями и облупившимся потолком, служившую Валерию спальней. Прохоров держал в руках цифровой аппарат:

– Эту штуку мы обнаружили в тумбочке. По описанию похож на аппарат Железнова. Это ваша вещь?

Валерий кивнул и ответил, запинаясь:

– Нет, не моя. Это действительно аппарат Железнова. Он одолжил мне его на пару дней.

– Одолжил? Такую дорогую вещь? – удивился полковник и достал мобильный. – Виктор Семенович, я попрошу вас подняться к нам. Необходимо опознать одну вещичку.

Железнов-старший взлетел по ступеням со скоростью молодого парня.

– Это аппарат моего сына, который подарила ему на день рождения жена, – сказал он. – Значит, ты все-таки убил моего сына... – он медленно подходил к побелевшему Аверьянову. Тот закрыл лицо руками:

– Я ни при чем. Он дал мне его на время.

Виктор покачал головой:

– Мой сын никогда не давал никому дорогие вещи, особенно подарки. Так что не ври. Забирайте его, товарищ полковник.

Прохоров тем временем вытащил вязаный белый шарф, небрежно засунутый под кровать. На белой шерсти отчетливо виднелись бурые пятна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.